

Старушки подружки

Валерий Вяткин

Валерий Вяткин

Старушки подружки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70840117

SelfPub; 2024

Аннотация

Эта книга о том, как подружились и жили две необычные старушки в большом городе, для которых не смотря на возраст имеют значение стихи и проза, стихия чувств и грани тонкого искусства.

Валерий Вяткин

Старушки подружки

Ася и профессорша

В одном большом старом доме на улице Карла Либкнехта жили две старушки. Эти старушки были старые, старые, но молодились, а по вечерам непременно выходили погулять на свежем воздухе. Кисейные платья одевали на себя, белые перчатки с длинными рукавами, широкополые шляпы с мантоньерками из шелковых лент и всякие другие модные одежды, скрывающие морщинки и дряблую кожу. У них были большие носы, едва заметные брови и глаза хитрые, хитрые. Правда, под глазами у них порой появлялись темные круги, на висках седина блестела кудельками, но старушки в шляпах старались этого не замечать. Бодрые и полные энергии были эти старушки.

Своих мужей они давно похоронили, взрослые дети их не беспокоили, поэтому старушки всю жизнь наслаждались жизнью. Когда на прогулке их никто не видел, они даже подпрыгивали на ходу этак шаловливо. Подпрыгнут на одной ноге и смеются. Подпрыгнут на другой и снова смеются. Вот какие они ещё могучие. Вот сколько энергии сохранилось в них.

В общем, много времени старушки проводили вместе. И

никаких споров у них между собой не было, пока они не обращались к поэзии. Потому что одна старушка любила Ахматову, а другая Цветаеву очень ценила.

– Ахматова – гений, – говорила одна старушка в шляпе и делала нижнюю губу коромыслом, подтверждая сказанное всем своим видом. – У неё каждое стихотворение – шедевр.

– А мне Цветаева ближе, – признавалась другая.

– Это почему?

– Потому что у неё все стихи разные. По ритму даже.

– Ишь, куда хватила! По ритму. Много ты в ритме понимаешь, если Жирмунского не читала, его теорию стиха в руках не держала, – говорила первая старушка в шляпе и снова делала губы коромыслом. В общем, сразу было видно, что эта старушка – бывшая профессорша. – Ритм – это основа стиха, – продолжала она. – Это стержень для поиска новых форм, скрепляющих зыбкую структуру сюжета.

– Какого сюжета? – переспрашивала та, которая Цветаеву любила.

– Литературного. Это афоризм такой.

– Понятно... Хотя в стихах я больше люблю не сюжет, а мелодию.

Так спорили, спорили, две старушки в шляпах, а потом начинали читать стихи. Читали, читали, читали, пока не забывали самые нужные слова в каком-нибудь знаменитом стихотворении или не сбивались с дороги. Тогда одна старушка устало садилась на лавку в сквере, в тени какого-ни-

будь дерева, а другая продолжала стоять возле неё, носком ботинка темный камушек пошевеливая. Потом та, что на лавке сидела, как бы спохватившись, спрашивала:

- Тебе пенсию не добавили ещё?
- Добавили, – отвечала та, что стоит.
- А на сколько?
- На тысячу... А тебе?
- Мне меньше...

На этом разговор прекращался. Проза жизни старушек в шляпах не увлекала. Они боялись, что двигаясь в этом направлении, они скоро заговорят о ценах на мясо или молоко в магазинах сети «Магнит», о том, где можно купить дешёвые бананы, мороженых куриц и ливерную колбасу. Нет уж, до такой низости они не опустятся. Вот отдохнут ещё немного и пойдут кормить голубей к памятнику греческому богу, который стоит в Александровском садике напротив Адмиралтейства. Видный такой мужчина, мускулистый, солидный. Всё у него на месте. Там на клумбах, наверное, уже гвоздики расцвели, птицы на деревьях запели. Возле такого мужчины и посидеть приятно.

Старушки направились вдоль Александровского садика к статуе Геракла. Шли, шли, шли – выдохлись. Постояли немного, отдышались и дальше пошли. Тут уж не до прыжков и споров.

Пришли к Гераклу, приблизились к своей любимой скамейке, а на ней незнакомые молодые люди сидят и целуют-

ся...

Ну, надо же, а! Целуются у всех на виду. Нет никакого стеснения у них. Никакой совести нет... И всегда так. Всегда какие-нибудь нахалы хорошее настроение испортят в самый неподходящий момент. Стыдно смотреть даже.

Потому что эта белокурая дрянь сидит у него на коленях, а он, чернявый с кудрями, обнял её своими ручищами за талию, и ловит её губы своими губами. Фу. Гадость какая!

– Это наше место, – грубо сказала одна старушка, обращаясь к молодой паре.

– Почему это? – отрываясь от губ любимой, переспросил молодой человек.

– Мы тут всегда сидели, – снова проговорила грозная старуха в шляпе, которая умела делать губы коромыслом, – и никто до вас тут не целовался.

– Но мы любим друг друга, – стал оправдываться молодой человек.

– Это инсинуации, – отрезала бывшая профессорша. – Настоящая любовь в глаза не бросается. Она спрятана внутри.

– Да, – поддакнула ей худенькая подружка.

На какое-то время бедные влюбленные растерялись. От возмущения не знали даже, что ответить. И слово инсинуации им было незнакомо. Поэтому молодой человек сказал:

– Пойдем отсюда Рита. С этими одуванчиками я ни ругаться, ни драться не буду. Их тронешь – они рассыплются... Пойдем.

– Сам ты... рассыплешься, – дрожащим от страха и возмущения голосом ответила ветхая старушка, которая пряталась за спиной подруги.

– Нет, я сейчас им покажу, как людей оскорблять. Я им покажу, – зло заверещала белокурая девица, снимая с ноги остроносую туфлю с высоким каблуком.

– Не надо, Рита, – стал останавливать ее чернявый.

– Не трогай меня, а то сам получишь, – закричала его подруга.

Нехорошая оказалась эта белокурая девица. Злая, да ещё и драчунья.

В общем, пока молодые люди кричали и спорили – обе старушки в шляпах порядочно струхнули и даже попятнулись от греха подальше. Они, надо сказать, были вовсе не такие уж грозные, какими хотели казаться. И шляпы у них были выцветшие. И стихи они читали иногда чужие, неизвестно чьи. Потому что старушкам хотелось памятью блеснуть, а память у них временами была совсем как решето. Удерживалось в ней только то, что не успело провалиться в темную бездну.

– Всех голубей распугали. Страни.

– Всех, – стали сокрушаться старушки в шляпах, когда молодые люди отошли от них достаточно далеко.

– У, паразиты!

– У... Целоваться им негде, видите ли! Обязательно надо на люди лезть. Распустилась совсем... В наше время такого

не было.

– Не было. Правильно ты говоришь. В наше время работать надо было. Стыдно было раньше-то такими делами заниматься.

Перед обедом старухи в шляпах старались попасть в кафе, которое всегда было поблизости от Исаакиевского собора через дорогу. Это кафе когда-то очень давно, когда старушки были чуть помоложе, называлось «Бульонная». Там раньше пахло вкусно. Так пахло, что прямо на улице хотелось съесть чего-нибудь. К примеру, сухарь или пряник, который с прошлого года во внутреннем кармане завалялся.

В кафе старушки в шляпах садились возле широкого окна и заказывали себе по пирожку с капустой и по чашечке кофе с молоком. Деньгами они не мусорили. Пили кофе и смотрели в окно. Одна старушка в это время чувствовала себя, как в Париже на бульваре Сен-Жермен. Другая вздыхала и смотрела на прохожих. Какой уж там Париж, честное слово. Так бы и поела ещё чего-нибудь мясного. Но неудобно. Хочется быть изысканной и утонченной. А утонченные люди много не едят.

Будучи в кафе та старушка в шляпе, которая чуть повыше и чуть упитаннее, начинала производить впечатление. Например, она могла сказать такую фразу:

– А знаешь, Ася, вся наша жизнь – это всего лишь атрибуты десятого аспекта. Без предикатов... Ничего возвышенного в ней нет. Сплошные залежи холодной прозы, и ни од-

ной проталины счастья.

После этой фразы губы коромыслом она не делала. Потому что это было не утверждение, а констатация факта.

Вторая старушка в это время деловито доедала свой пирожок, потом быстро вскидывала хитрые глаза с тонкими коричневатыми веками, вытирала салфеткой морщинистые губы, смотрела в окно, поправляла кофточку кисейную, смахивала белые крошки с темной юбки, трогала широкополую шляпу с атласным бантом и переспрашивала:

– Что? Что ты сказала?

– Э – э – э! Всё равно не расслышишь. Не буду повторять.

– Ну и не повторяй, ну и не надо, – обижалась Ася.

Когда полдник завершался, когда есть вставными зубами было уже нечего, – та старушка, которая была профессорша, элегантно поправляла волосы и предлагала:

– Может, посетим Эрмитаж?

– А что там? – переспрашивала Ася, некрасиво пожеывая губами.

– Говорят, коллекцию Эдгара Дега обновили. Какой-то меценат две картины подарил. Купил на аукционе во Франции.

– Да что ты говоришь! Неужели, правда!?

– Что-то новое, говорят. Все газеты об этом пишут, разве ты не читала?

– Нет, не читала.

И старушки направлялись в Эрмитаж. Осторожно пере-

ходили дорогу. Зигзагами пересекали Александровский садик мимо памятника Гоголю. Шли, шли, шли и приходили на набережную Невы, которая в мраморе вся до самого горизонта. Там северный ветер начинал их продувать. Продувал, продувал, продувал, да так сильно, что старушкам в шляпах после долгой ходьбы зябко становилось. Они боялись простудиться, боялись, что шляпы ветер унесет. Поэтому спешили в кассу Эрмитажа, чтобы приобрести билеты со скидкой, которая полагается всем пенсионерам в шляпах, которые молодятся.

Идти в зал французских импрессионистов нужно было мимо статуй Родена. А у Родена в Эрмитаже только любовные композиции. То есть, примерно то же самое, что они в сквере у распущенных молодых людей видели, только ещё хуже. Потому что все молодые люди у Родена в Эрмитаже голые.

Когда Ася проходила мимо этих скульптур, она сильно нагибала одну полу выцветшей шляпы, чтобы не видеть всей этой непристойности. Потому что ей было неудобно. А её подруга, наоборот, нисколько не стеснялась рассматривать. Ей даже нравилось это все нехорошее сплетение мраморных и страстных тел.

Однажды профессорша сказала Асе, что в этом сплетении обнаженных тел у Родена поэзия есть. Это не просто любовь, это настоящее живое искусство, это музыка, запечатленная в белом мраморе... Ахматову любит и такое говорит. Ну, ка-

кая может быть поэзия в сплетении голых тел? Какая музыка? Это нехорошо. Это в старости раздражает. Завидовать не хочется, а повторить нельзя.

Пред входом в зал французских импрессионистов старушки в шляпах всегда старались отдохнуть. Все-таки поднялись на третий этаж. Устало садились возле пустующей стены на какой-нибудь диванчик. При этом узкий диванчик под ними не скрипел, потому что они были легкие. Ася худыми пальцами охватывала коричневое запястье правой руки и старалась сосчитать у себя пульс. Раз, два, три... Сбивалась со счета и снова считать начинала. Раз, два, три, четыре, пять... И снова сбивалась.

– Пахнет тут чем-то, – говорила после недолгого молчания профессорша. – Лаком, наверное, или масляной краской.

– А мне кажется, плесенью, – возражала Ася. – Тут всё старое. А старое всегда плесенью пахнет.

В зале французских импрессионистов почему-то всегда было много народу. Но к картинам Пикассо никто не подходил. Никому не хотелось смотреть на серые шахматы, темные треугольники и синие кубы. Все старались увидеть полотна Поля Сезанна, Клода Моне и Эдгара Дега.

Старушки в шляпах тоже поспешили к картинам Дега. Они не могли без восторга смотреть на «Голубых танцовщиц», «Репетицию балета» и «Абсент». Эдгара Дега и Клода Моне нельзя было не любить. У них на картинах было

так много реального синеватого света, так много воздуха, что старухи в шляпах начинали ощущать себя жизнерадостными молодыми женщинами у моря. На высоком берегу какого-нибудь средиземноморского залива, где дует бриз и кричат чайки. Даже слезы иногда на глаза у них наворачивались. До того было приятно всё это видеть.

Ася в такие моменты всегда думала о том, что французы люди исключительно талантливые. Жаль, что мы с ними так нехорошо обошлись в 1812 году. По деревням вилами их закалывали. Ужас какой, какая дикость! Сейчас жили бы вместе. Вместе ходили бы за хлебом и молоком. В кафе, в бульонную, Александровский садик. Вместе кормили бы голубей возле Исаакиевского собора.

– Dire bonjour.

– Bonjour Madame.

Старухи в шляпах очень любили французов. Прямо боготворили их. За произношение с прононсом, за переливистое «эр», за изысканное искусство. Ведь, по сути, всё самое красивое родилось там у них, во Франции. Немцы с англичанами ничего такого не придумали и миру не подарили. Только пакости разные. А французы... Ах! Что там говорить! Кто сказал, что русские женщины самые красивые. Глупости это. Француженки лучше всех женщин на земле.

Той, которая не Ася, а профессорша Софья Михайловна, когда-то очень хотелось стать француженкой. Умереть и родится потом снова, только уже во Франции, чтобы жить где-

нибудь в Париже на улице с красивым названием Этьен Марсель. Гулять по набережной Сены, восхищаться великолепными готическими соборами, кормить голубей на Монмартре...

А ещё Софья Михайловна любила в Эрмитаже посещать зал Рубенса. Изобилие голых тел на картинах этого мастера её возбуждало. Румянец появлялся у неё на щеках, мелкие капельки пота выступали на лбу. И дышать она начинала неровно. Когда она долго находилась рядом с картинами Рубенса – у неё даже мысли появлялись ненужные в её возрасте. В общем, те самые мысли появлялись, которые посещали её в тридцать лет. В далекой уже молодости.

Ася в зал Рубенса заходила с испугом. Её смущали обнаженные мужчины и женщины. Их массивные, полные скрытой энергии тела, внушали ей опасение. Сухонькая и смущенная Ася, чувствовала себя в зале Рубенса ещё меньше, ещё беззащитнее, чем раньше. Ей хотелось поскорее покинуть это громоздкое помещение с большими картинами, чтобы посмотреть на что-то более уютное, спокойное, умиротворяющее. Она брала Софью за рукав и настойчиво подталкивала к выходу:

– Пойдем отсюда. Тут как-то неуютно мне. Как будто я в общую баню попала.

– Скажешь тоже, – огрызалась Софья Михайловна. – Это же сама жизнь. Здесь всё реальное, можно сказать, живое... Ты посмотри кругом – сколько тут экспрессии, сколько дви-

жения!

– Пойдем, – упрашивала Ася.

– К Рембрандту опять? Где старики да старушки.

– Да хотя бы к нему.

И они направлялись в соседний зал, где Ася ничего кроме умиления не чувствовала. У Рембрандта на картинах всего было в меру. Всё прилично, и никакого излишества. Это Асю успокаивало. О Рембрандте она могла даже немного порассуждать. Рембрандтовские старушки и старички казались ей родными. Такими же, как соседи по этажу в её доме на Карла Либкнехта. И лица у них были знакомые. Как раз такие лица, которые Ася видит каждый день в сквере и в магазине...

Из Эрмитажа старушки возвращались удовлетворенные. Им казалось, что день прошел не зря. Кто-нибудь завтра спросит у них, где они были, а они ответят этак снисходительно: «На вернисаже у Клода Моне». На них после этого будут смотреть с недоумением. Кто такой этот самый Клод Моне? Почему они не знают такого? А они принципиально не будут пояснять. Для чего пояснять это тем, кто ничем французским не восхищается. Кто не носит даже шляпы с монтаньерками. Кто не знает, что такое настоящее искусство.

День рождения Аси

Как-то у одной старушки, у той, которая Ася, случился

день рождения. Раньше никакого дня рождения у неё как будто не было, а тут вдруг случился. Да ещё осенью.

Ася неожиданно вспомнила, что ей исполняется 75. Вспомнила и испугалась. Неужели так много?

Она быстро подошла к зеркалу. Взглянула на себя. Нет не много ещё. Надела очки – много. Сняла очки – нет, не много. Как известно, очки старых женщин не молодят, особенно когда смотришь не на других, а на себя, да ещё осенью, да ещё в пасмурный день, да еще, если настроение плохое и любимой кошки рядом нет. Никто не мурлычет и не трется преданно об ногу.

Утром ей позвонила подружка профессорша. Непривычно хриплым после сна голосом спросила:

– Ну чего, будешь отмечать дату?

– Где? – испугалась Ася. – Как?

– Как, как. Будешь отмечать день рождения, говорю?

– Ну, – неуверенно ответила Ася. – Надо бы...

– Я предлагаю махнуть в ресторан.

– Какой? – снова испугалась Ася, предчувствуя, что не осилит больших расходов. И вообще, зачем в ресторан, если она знает дешевую пельменную, где пахнет как в хорошем ресторане.

– На Невском. Называется «Русский ампир», – деловито продолжила Софья.

– А-а-а...

– Чего?

– А, он нам по карману? Недорогой ресторан-то этот?

– Дорогой – недорогой. Смотря, что заказывать будешь, – проговорила Софья Михайловна со знанием дела и замолчала. Ася почувствовала, что её подружка сделала губы коромыслом. Потом в трубке что-то щелкнуло. Старуха на том конце провода прочистила горло и снова спросила:

– Ну. Что ты решала?

– Идем, – как можно более твердо ответила Ася, хотя была в жутком смятении. Ресторан в центре города. Это, наверное, так расточительно, всё равно, что купить себе новые зимние сапоги на меху.

Весь день Ася была в тревоге. В тревоге ела овсяную кашу на половинном молоке. В тревоге искала новое платье с синей брошью на левом лацкане, которое ей двадцать лет назад муж подарил. Одно время Ася хотела этим платьем полмыть: решила, что оно устарело, но потом почему-то передумала. И правильно сделала. Вот оно и пригодилось платье-то. Его ещё носить можно. Ася встряхнула платье, пригляделась к нему получше. Вполне можно носить. Платье как платье. Правда от него немного нафталином пахнет, но это ничего. От других старух в местной аптеке за углом ещё хуже пахнет, но их за это никто из очереди не выгоняет. Значит и её из ресторана не выгонят.

Потом Ася с волнением шла в магазин на проспекте Сизова, 25, чтобы купить себе новую шляпу. Ей нравились шляпы темного цвета из шелковых лент, но в модном магазине

на проспекте Сизова Асе почему-то стали предлагать фетровые – цвета бирюзы. Ася поворачивалась перед зеркалом и так и этак, в профиль и анфас. Нет, не подходят ей фетровые шляпы цвета бирюзы.

Сняла очки – да вроде бы ничего – подходят. Одеда – не подходят. Расплывчатости не хватает. Да и цена не нравится, хотя в ней никакой расплывчатости и в помине нет. Ася внимательно посмотрела на цену. Нет, не нравится такая цена. Шляпа, может, и подошла бы, если без очков, а цена не подходит.

В общем, шляпу на Сизова, 25 Ася в тот день не купила и вернулась домой расстроенная. Для чего-то открыла кладовку, пошла в темноту, и в темноте на что-то наступила. Подняла то, на что наступила. Да это же шляпа совершенно новая, которую она почти не носила. Только она сейчас немного раздавленная, немного сплюснутая в кучу и пыльная. А так, если её расправить, она очень даже ничего. Ася встряхнула шляпу. Ничего себе шляпа, ещё какая хорошая!

Вечером ей позвонила Софья Михайловна, та, которая профессорша.

– Ну, чего ты решила?

– Да я... это самое.

– Ты готова уже? Ты уже собралась?

– Да... Не знаю только...

– Не мямли. Говори ладом, – приказала Софья.

– Я... боюсь, что денег не хватит у меня, – выпалила Ася.

– Ну, насчет этого не беспокойся. Дорогого подарка я не обещаю. Но если денег не хватит – доплачу. Ты меня знаешь.

– Да, да, я поняла, – успокоилась Ася.

Вот ведь какая у неё подруга. Всегда на помощь придет, в любом положении выручит. Как без неё? Настоящий клад! Ася стала вертеться перед зеркалом в шляпе, которую в кладовке случайно нашла, в платье, пахнущем нафталином, и что-то напевать. Хорошая у неё подруга. И платье тоже хорошее, и шляпа – тоже ничего. Всё у неё хорошо, вот только душа отчего-то трепещет...

В тот день две старухи в шляпах встретились возле ресторана на Невском, 17. Осторожно прошли в заведение. Швейцар посмотрел на них косо, но не остановил, ничего не сказал.

Выбрали себе столик в сводчатом голубом зале под люстрой. Стали заказывать еду. Ася так разволновалась, что ничего учтивому официанту сказать не смогла. Её заколотило. Тогда бразды правления Софья Михайловна взяла в свои руки.

– Закуски, – спросил официант, – какие будем заказывать, милые женщины?

– Салат, – скороговоркой ответила испуганная Ася и прикрыла ладошкой рот.

– Подожди, – остановила её профессорша. – Подайте нам.., подайте нам, – повторила она, пробегая глазами меню и подыскивая что-нибудь подешевле, – подайте нам эминсе

из томатов с подкопченной мацареллой.

– Что? – поразились Ася. – Это же стоит бешеных денег...

– Нет, – успокоила подругу Софья. – Это не так дорого.

– Так, – отозвался молодой человек, скрывая улыбку.

Черкнул что-то в блокноте и снова спросил:

– Горячее что-нибудь?

– Да, – отозвалась Софья.

– Суп, – перебила её подруга взволнованным голосом. –

Суп говяжий. И всё и...

– Вот, – не обращая на Асю внимания, продолжила Софья, – это.

– Что? Это.

– Пельмени из зайчатины в бульоне из белых грибов.

– Ужас! – охнула Ася.

Софья Михайловна строго на неё посмотрела.

– Так... А на десерт? – продолжил невозмутимый официант.

– На десерт, на десерт... Ну, допустим домашнее мороженое, – снова отозвалась Софья.

– Пить что будем? – снова спросил официант.

– Пить будем... Пить будем вот это... Тут по-английски написано *Mar-ti-ni Vian-со*, кажется, – по слогам прочитала Софья.

– Сколько?

– По двести.

– Можно и по сто, – шепотом поправила подругу Ася, бес-

покоюсь за свой кошелёк и предполагая, что этот чертов Мартини стоит как старый автомобиль.

Честно сказать, Ася в этом богемном ресторане сразу почувствовала себя неуютно, не в своей тарелке почувствовала. Всё её угнетало: и сводчатые потолки, и позолота на внутреннем орнаменте, и люстра с хрустальными подвесками. Ей стало казаться, что нужно будет отдельно заплатить и за люстру, и за орнамент, и за позументы.

– Ну чего ты трясешься вся? – строго спросила у неё Софья Михайловна, когда молодой официант отошел от них достаточно далеко. – О чем ты переживаешь?

– Да уж выбраться бы отсюда поскорее, да и всё бы, – призналась Ася.

– Неужели тебе здесь не нравится?

– Нравится, но как-то не по себе мне. Я ни разу в таких заведениях не была. Всё больше в кафе да столовых. Боюсь чего-то тут я.

– Чего ты боишься? – не поняла Софья.

– Счета боюсь. Золота этого, блеска...

– Ну, допустим, счет ещё не принесли.

– А я впрок боюсь уже.

– Ну и дура.

– Сама дура.

Старухи в шляпах стали ругаться и ругались долго, пока им не принесли еду и выпивку. Кажется, они много чего заказывали и названия у блюд были многообещающие, солид-

ные, а еды принесли с гулькин нос. Да ещё в крохотных тарелочках. Зато каждое блюдо было украшено очень оригинально и со вкусом. Должно быть на французский манер.

– Эх. Надо было пойти в пельменную, – запоздало посетовала Ася. – Там бы хотя бы поели бы ладом.

– Не говори ерунды. Мы с тобой в ресторане, как все интеллигентные люди. И беседовать мы должны интеллигентно, – сказала Софья Михайловна назидательным тоном.

– О чем это? – удивилась подруга в шляпе набекрень и в платье, от которого пахло нафталином.

– На отвлеченную тему... Например, о литературе.

– Опять ты стихи читать будешь?

– Да при чем тут стихи... Можно обсудить любимых писателей.

– Льва Толстого? – нашлась Ася.

– При чем здесь Лев Толстой? – удивилась Софья Михайловна. – В таких заведениях обсуждают иностранную литературу. Писателей с мировыми именами. Таких как Сол Беллоу, Федерик Бегбедер, Жан-Поль Сартр.

– А я не знаю таких, – растерянно призналась Ася. – Никого не знаю, кроме Ромена Роллана.

– А у Роллана чего читала?

– Жана Кристофа. Да и то давно, – ответила Ася.

– Так это же здорово... Там главный герой композитор.

– Да, композитор и музыкант.

– Прекрасная вещь. Там Ромен Роллан описывает процесс

сочинения музыки, и даже её звучание.

– Вроде того.

– Нигде не встречала таких описаний, – призналась Софья, отпивая из красивого фужера красное вино и одновременно откидываясь на спинку стула. – Как хорошо там всё описано! Как интересно! Как будто слышишь эту музыку своими ушами. Как будто она захватывает тебя и несет, несет, как волна морская.

– Ты так красиво говоришь, – восхитилось Ася, доедая грибной бульон и пытаясь найти в нем что-нибудь мясное.

– А в ресторане принято красиво говорить. Ты разве не знала. Неужели мы с тобой в ресторане будем ругаться.

– Я понимаю. Говори. Ругаться не будем.

– Сама перебила, а теперь – говори. У меня уже из головы всё вылетело, что я хотела сказать.

– Говорят, нынче пенсию не добавят нам, – неожиданно посетовала Ася.

– Ты к чему это опять клонишь? – возмутилась Софья.

– Да так, к слову пришлось.

Между тем старухи в шляпах как-то незаметно съели и выпили всё, что им принес молодой официант. Всё съели, а есть почему-то ещё хотелось. Прямо так бы и поели ещё чего-нибудь мясного с черным хлебом. Так бы и выпили чего-нибудь ещё. Хотя бы «каберне» или даже водки. Настроение появилось, а еда и выпивка неожиданно исчезли. Стол опустел и стал навевать грустные мысли.

– Может, ещё закажем чего? – неуверенно предложила румяная Софья. – Не на широкую ногу конечно, а так. Чтобы не уходить.

– А давай, – согласилась слегка захмелевшая Ася, решительно махнув рукой. – Гулять – так гулять!

Короче говоря, старушки в тот вечер порядочно покутили. В конце вечера они уже плясали в центре просторного зала, энергично закидывая вверх ноги и руки. Шляпа у Софьи Михайловны съехала на затылок. Из-под шляпы выпали седые кудельки редких волос. Она стала потеть и задыхаться.

Зато Ася в тот вечер чувствовала себя прекрасно и однажды даже попыталась забраться на импровизированную сцену, чтобы что-то спеть. Но вежливые молодые люди во фраках её вовремя остановили.

– Самодеятельность у нас не приветствуется, – пояснили они.

Ася начала с ними спорить, утверждала, что она поет профессионально. Она училась.

– Мое призвание – вокал! – кричала она. – Дайте мне спеть романс «Не покидай меня». Дайте. Пустите меня на сцену... Я покорю партер.

В общем, Софья Михайловна заметила, что Ася после двух рюмок водки раскрепостилась настолько, что стала приставать к какому-то иностранцу с прелюбодеянями. Читала ему стихи, пробовала худой зад устроить ему на колени. И вообще стала распущенной и нахальной, чего раньше с ней

никогда не случилось. Вдруг выяснилось, что она может изъясняться по-английски и даже читает наизусть стихи Теда Хьюза про то, как из крови рождается крик.

У Софьи Михайловны от её проделок голова пошла кругом. Она пробовала поймать Асю за руку. Но Ася увертывалась и вырывалась. Кричала: «Пусти! Не лезь ко мне. Это мой день рождения, не твой». Софья Михайловна пыталась с ней серьёзно поговорить, но Ася её не слушала. Отмахивалась и отбивалась. В конце концов, она решила, что эту старуху надо поскорее увести отсюда, убрать с глаз долой, пока она не натворила глупостей.

Откровенно говоря, Софья Михайловна рассчитывала, что Ася протрезвеет, как только увидит счет из ресторана. Но Ася даже глазом не моргнула, когда увидела этот счет. Даже бровью не повела. Отсчитала семь

тысяч, отдала молоденькому официанту и снова упорхнула в толпу танцующих. Кружилась там, что-то пела, закидывала руки за голову. Как будто ей было вовсе не 75, а в два раза меньше. Как будто она была не старуха в шляпе, а стройная юная дама с копной золотистых волос.

В конце концов, Софье Михайловне всё это надоело. Она подкралась к вредной старухе сзади и схватила её за шиворот. Ася удивленно обернулась, обиделась и вlepила Софье оплеуху. Софья тоже не осталась в долгу.

Так старухи в шляпах впервые подрались.

Софье Михайловне было после этого очень неудобно. Она

как бывшая профессорша сгорала со стыда, а как простая обидчивая старуха больше не хотела иметь ничего общего с этой худой и нервной развратницей, от которой пахнет водкой и нафталином.

Дар Софьи Михайловны

В свои семьдесят лет Софья Михайловна неожиданно увлеклась стихами. Она решила, что в ней погибает большой поэтический дар. Не такого масштаба, конечно, как у Пушкина или Бальмонта, но всё же достаточно увесистый. Несколько поэтических строк она вполне могла связать одной общей темой и подобрать к ней подходящую рифму. Примерно так же как к хорошему пальто принято подбирать сапоги. Или к юбке – туфли. Или к голове – шляпу. Или к носу – очки.

А так как она была бывшая профессорша, то решила не пускать это дело на самотек. Сходила в библиотеку имени Лермонтова на Литейном проспекте и попросила там «Теорию стиха» Виктора Жирмунского. Когда-то давно, давно, так давно, что забылось уже почему, эта книга произвела на Софью Михайловну потрясающее впечатление. Воодушевила, вооружила нужными знаниями. Заставила другими глазами взглянуть на поэзию последних десятилетий.

Когда Софья Михайловна сидела за книгой, а это продолжалось два дня и два долгих вечера, ей всё время звонила

Ася и каждый раз куда-то звала. То погулять в Летний сад, то поесть чебуреки в «Емеле», то просто на лавке посидеть где-нибудь. И так она со своими звонками Софье надоела, что она сочинила для неё тюремную песню в стиле шансон. И назвала эту песню «Отсижу я свой срок».

Там были такие слова:

*Отсижу я свой срок и обратно вернусь,
Обниму я подросшего сына,
И папане его широко улыбнусь,
Будь здоров, волосатый детина.
Я на нарах была: Калыма, Магадан,
Под вагоном гремели колеса.
И однажды в пути мне сказал капитан:
«На, кури, я принес папиросы».
Я курила «Казбек», он принес «Беломор» -
Угощенье со скрытым намеком.
Он был парень простой, но в душе зимогор,
С недалеким до пенсии сроком.*

.....

Надо признаться честно, Софье очень удавались стихи тюремной направленности, которые можно было бы назвать диссидентскими, если бы она написала их лет двадцать назад, при живом генеральном секретаре и генеральной линии партии. Но сейчас к таким стихам никто предвзято не отно-

сился, поэтому завоевать внимание читателей такими стихами было весьма проблематично.

Когда Софья Михайловна утомилась от тюремных стихов и вышла к подружке в маленький сквер перед домом на улице Карла Либкнехта, та обрадовалась ей как дорогому подарку. А когда Софья прочитала ей свое новое стихотворение, Ася только руками всплеснула:

– Неужели это ты сама написала? Неужели сама?!

– Да, сама, а что тут особенного? – гордо ответила Софья Михайловна и сделала губы коромыслом.

– А я думала Кучин какой-нибудь. Или Круг.

– С чего это вдруг? – в рифму ответила Софья.

– Да уж больно на тебя не похожи стихи-то эти.

– Похожи, не похожи. Дело не в этом. Это же шансон.

– Чего?

– Шансон, говорю. Есть такое направление в песенном творчестве.

– Так это ещё и песня?

– Можно сказать.

– Спой тогда, – попросила Ася.

– Вот ещё, – заупрямилась Софья. – Ты же знаешь, что петь я не могу. Голоса у меня нет. Но мотив в голове вертится.

– Мне бы так сочинять, – мечтательно произнесла Ася, – я бы стала знаменитой. Начала бы петь со сцены. Удивлять. Покорять сердца.

– Значит, тебе мое стихотворение понравилось? – не поняла Софья.

Ася красивым жестом поправила шляпу и продолжила:

– У меня душа сентиментальная. Я как что-нибудь трагическое вспомню – так заплачу. Как смешное услышу – так засмеюсь.

– Ну и что? Причем здесь поэтический дар?

– Сама не знаю, – призналась Ася, – но хочется чего-то такого.

Говоря это, Ася сложила ладошки, поднесла их к плоской груди и смиренно посмотрела в небо.

– Так хочется необычного чего-то. Так хочется.

Софья с сожалением взглянула на неё и презрительно произнесла:

– Дура ты.

– Сама дура, – тут же отреагировала Ася и отвернулась.

Какое-то время обе старухи сидели молча и смотрели в разные стороны. Наконец Софья не выдержала и сказала:

– А хочешь, я тебе другое стихотворение прочту.

– Какое?

– Лирическое.

– Читай, – согласилась Ася, предполагая, что это стихотворение, наверняка, будет хуже первого. Вот тогда она над Софьей поиздевается от души за то, что она душой её назвала. Как будто сама лучше.

Софья Михайловна вздохнула, подняла кверху свой уве-

систый подбородок, кое-где заросший белыми тонкими волосками, и начала декламировать, слегка пошевеливая в такт стихам правой рукой:

*Я зимою стихов не пишу,
В них искрятся холодные грани.
Печь топлю и воды приношу,
Чтобы ярче горели герани.
Чтобы ранним восходом весны
За окно, сквозь плетенья сиреней,
Проступали цветочные сны –
Полукруглые листья и тени.*

Когда стихи были прочитаны, Ася с недоумением посмотрела на Софью Михайловну и спросила:

– А у вас что, отопление отключали этой зимой?

– С чего ты взяла? – тем же тоном ответила Софья, не понимая до конца, в чем тут дело. Почему Ася об этом спрашивает?

– Ты пишешь, что печь топила. Воду носила с колонки.

– Это же аллегория, – стала объяснять Софья. – Образ такой. Понимаешь. Сентенция. Ты же знаешь, что никакой печи у меня нет. Есть только на даче.

– Нет, не понимаю, – заупрямилась Ася, – настоящий поэт должен говорить правду. – Если отключали отопление, так и скажи. Нечего мне голову морочить.

– Ну и ну! Больше я не буду тебе стихи читать.

– Не читай. Не больно-то и нужно.

– Не буду... Я думала, ты в поэзии разбираешься. А ты, оказывается, ничего в ней не смыслишь. Вот и поговори с тобой.

– А герань как?

– Чего герань?

– Не замерзла герань без отопления? А то я у тебя хотела попросить листочек, чтобы у себя посадить. Мне герани с детства нравятся, которые с красными цветами.

Софья Михайловна слушала подругу и молчала. Ну, о чем рассуждать с этой старухой, которая совсем выжила из ума. И зачем только она стихи ей прочитала? Ясно же было, что она ничего не поймет. А ещё говорит, что сентиментальная, что хорошо разбирается в искусстве. Да таких сентиментальных в России – пруд пруди, а талантливых людей единицы. Вот возьмет сейчас и уйдет от неё Жирмунского читать. Что ей время-то зря тратить. У неё дар. Ей творить нужно, пока вдохновение не ушло. Пока ничего не болит.

Софья Михайловна посидела ещё немного рядом с Асей и поднялась, чтобы уходить. Откровенно говоря, Софья предполагала, что Ася начнет её останавливать. Но Ася проводила её долгим взглядом и подумала: «Совсем выжила из ума старая. Стихи начала писать в семьдесят лет».

На следующий день Софья Михайловна встала рано. Вы-

пила полстакана крепкого чая, села возле окна за стол, положила перед собой чистый лист бумаги и стала думать о том, чтобы ей такое написать, о чем ещё никто до неё не писал. За окном было серое осеннее утро. Вершины лип заслоняли окна второго этажа. Раньше в это время она отдыхала у бабушки в деревне. Дни были короткие, но яркие, разлинованные по желтой траве длинными синими тенями. Прямо за бабушкиным домом стеной стоял лес. После дождя оттуда наплывал смоляной дух. И всегда где-то там, в лесу каркали вороны, перелетая с места на место. И всегда в лесу можно было увидеть что-то новое.

Софья Михайловна ещё раз посмотрела в окно. Нет, ничего нового за окном не происходит. А если за окном ничего не меняется, то – о чем писать стихотворение? Должно же что-то к этому подтолкнуть.

И тут позвонила Ася:

– Представляешь, – взволнованным голосом заговорила она, – наши ученые такой аппарат изобрели, который всё лечит.

– Что всё? – с раздражением переспросила Софья, которую оторвали от важного занятия.

– Всё. Сердце, печень, суставы. Понимаешь. Я еле успела позвонить им туда. Этим ученым. Заказала такой аппарат за полцены... Вот как повезло мне.

– И сколько же это? За полцены.

– Восемь тысяч всего за такую нужную вещь... Я успела

позвонить за первые двадцать минут сразу после передачи. А то бы пришлось покупать тысяч за тридцать, а может и дороже ещё.

– Аппарат, который всё лечит? – с иронией переспросила Софья.

– Он даже сам определяет, что лечить. Представляешь. Сам определяет, сам лечит и сам программу задает по оздоровлению всего организма на клеточном уровне.

– Ну и ну! – проговорила Софья, прикрывая ладошкой рот, чтобы не зевнуть. – И ты всему этому веришь?

– А как не верить? Там какой-то профессор выступал, – продолжила объяснять Ася. – Сказал, что они проводили опыты на больных. Так вот, он всем помогает этот аппарат без разбору. И всё лечит. Все болезни. Представляешь, какой аппарат нужный! Он теперь будет у меня.

– И ты за него уже деньги заплатила?

– Да. Перевела куда надо.

– Вот дура! Я думала, ты лучше соображаешь. Думала, что тебя на кофейной гуще не проведешь.

– Почему это? – возмутилась Ася после небольшой паузы.

– Да не бывает таких приборов. И аппаратов таких не может быть.

– Как не бывает? – переспросила Ася упавшим голосом.

– Потому что даже врач со всеми анализами порой ошибается в постановке диагноза, – громко пояснила Софья.

– Но профессор...

– По радио сказал, – продолжила Софья.

– Да.

– А ты видела этого профессора? Документы у него проверяла?

– Да как? Он же по радио.

– А ты всему веришь, что сейчас по радио говорят?

– Да не всему. Но мне такой аппарат очень нужен... Понимаешь, бывает, чего-то в спине заболит – заболит, а чего там такое болит – понять не могу. А тут я бы аппарат этот подключила и всё бы. Он бы сам все болячки мои нашел и сам вылечил бы.

– Жаль мне тебя, – вдруг проговорила Софья со вздохом. – Просто жаль.

– Это почему это?

– Соришь ты своими деньгами без разбору. А есть себе покупаешь всякую дрянь. Вот питалась бы хорошо, ела бы фрукты, да рыбу хорошую, вот бы и чувствовала себя прилично. Может и голова у тебя заработала бы ладом.

– Да ну тебя, – обиделась Ася и положила трубку.

После этого разговора Софья Михайловна, сколько не смотрела за окно, сколько не вздыхала, сколько не вглядывалась в туманную осеннюю даль – так ничего и не смогла больше придумать. Стихи на ум не шли. Утро пропало даром. Время потеряла зря. А всё из-за этой бестолковой подружки, которая верит всему, что по телевизору показывают и по радио говорят. Хотя, что возьмешь с человека с неза-

конченным высшим образованием...

На следующий день, когда Софья едва успела приблизиться к столу, чтобы заняться творческой работой, ей снова позвонила Ася:

– Знаешь, почему сейчас туалетная бумага стала такая тонкая? Только возьмешь в руки – уже разваливается, – сказала она тоном человека, который только что узнал важную тайну.

– Нет, – не понимая в чем тут дело, ответила сонная Софья Михайловна.

– А я узнала.

– Ну, и в чем же?

– Это для того, чтобы из неё было удобнее делать колбасу. Ха-ха -ха!

– И ты из-за этого мне позвонила? – возмутилась Софья.

– Да... Я думала, ты посмеёшься вместе со мной.

Софья Михайловна положила трубку, поморщилась и поняла, что сегодня снова ничего не напишет. Эта дура опять испортила ей настроение. Ну надо же придумать такую чушь.

Софья Михайловна откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. Солнечный свет стал проникать сквозь её морщинистые веки прямо в голову, и от этого душа постепенно начала наполняться какими-то далекими детскими воспоминаниями, когда Софья открывала для себя мир, когда обыкновенная зелёная трава вдоль забора вызывала восторг. Когда легкое дуновение ветра, от которого шелестела листва, уже

что-то значило, уже о чем-то говорило.

Софья привычным движением взяла авторучку, придвинула к себе чистый лист бумаги. Сейчас она напишет первую строчку стихотворения. Сейчас, сейчас. Это стихотворение будет навеяно детскими воспоминаниями. Оно будет пронзительным и ярким, как солнечный свет за окном. Ей надо только сосредоточиться. Только отрешиться от всего сиюминутного.

И в это время снова зазвонил телефон.

Софья Михайловна с раздражением подняла трубку.

– Да.

– Ну, куда сегодня пойдём? – глуховатым голосом спросила Ася.

– А мы куда-то собирались? – холодно спросила Софья.

– Нет. Но не дома же сидеть весь день, когда на улице такая погода.

– Какая погода?

– Ни ветра, ни дождя и солнце с самого утра, – пояснила Ася.

Софье очень захотелось сказать подруге что-нибудь грубое. Что-нибудь такое, после чего Ася надолго от неё отстанет, но представила себе, как потом ей будет скучно без Аси и отогнала от себя эту мысль. С кем ещё она сможет потом поговорить по душам? Кто ещё будет безропотно выслушивать все её бредни, исполнять её просьбы, следовать за ней по пятам. Нет уж, лучше терпеть эту вздорную и глупую ста-

руху. С ней хотя бы не одиноко. А стихи подождут.

Кофта

Однажды Ася решила купить себе новую кофту. Она уже давно себе ничего не покупала. Лет двадцать, наверное. Так и жила во всем старом и даже мысли у неё стали какие-то неясные, невеселые – тоже старые. А тут вдруг она пенсию получила и подумала: «Вся обносилась я. Даже шляпа у меня какая-то скособоленная. Нешно я новой кофты не купить не могу до старости лет, когда у меня такая хорошая пенсия стала».

Подумала так Ася, подумала и стала собираться на «Долгоозерный» рынок, который находится на улице Илюшина, 14. Собиралась, собиралась, ходила, ходила у зеркала, прихорашивалась, и решила на всякий случай позвонить Софье Михайловне. Пусть придет, посмотрит на неё, когда она новые наряды будет выбирать. У Софьи-то ничего нового давно нет. Пусть она ей позавидует. Пусть посмотрит, как она будет наряжаться.

Встретились на «Выборгской» станции метро, зашли в душный вагон, уцепились за поручни, поехали. Вышли из вагона на станции «Комендантский проспект». Там до рынка оставалось уже рукой подать. Но Софья Михайловна стала настаивать, что нужно поймать такси. Нечего пешком по городу шататься, когда голова ладом не работает. Ася и так

уже со страхом прикидывала, во сколько ей кофта обойдется, а тут ещё эти новые фортели Софьи – такси. Одно разоченье с ней.

В конце концов, Софья уехала на такси – Ася пошла пешком. И всё было бы хорошо, если бы по дороге Ася не заблудилась. Видимо она свернула куда-то не туда.

Она заблудилась так сильно, что когда стала спрашивать у прохожих, где находится «Долгоозерный» рынок – они только плечами пожимали. Вот до чего дошло. Или дошла.

В конце концов, какой-то дед посоветовал ей взять такси, чтобы зря не по городу не плутать. Небось, немолодая уже.

Так Ася и сделала.

Софья Михайловна, между тем, уже ждала Асю возле базара. И как только увидела, что она из такси выходит – так и вскипела вся изнутри. Возмутилась. Вот ведь какая дура, а! За двоих же можно было меньше заплатить, чем за одну. И зачем только она согласилась Асе помогать? С ней одни бесполезные хлопоты – больше ничего.

Когда стали примерять кофты, Софья Михайловна надела очки на две диоптрии больше, чем всегда носила. В этих очках она видела все недочеты шитья, все вытянувшиеся ниточки и прочие изъяны производственного брака. Правда при этом подносила свой большой нос очень близко к кофте и смотрела на неё со строгим выражением лица. Как будто видит нечто необычное. А когда отдаляла нос от кофты, то обязательно делала губы коромыслом, создавая вид, что она

детально анализирует увиденное.

– Ну как? – спрашивала Ася, поворачиваясь перед профессоршей и так и этак.

– Да вроде ничего. Только цвет...

– Что?

– Цвет тебе не к лицу. Цветы слишком яркие на груди. И покрой молодежный.

– Откуда ты знаешь? – раздражалась Ася.

– Так мне кажется.

– Кажется ей, – ворчала худая старуха.

В конце концов Асе пришлось купить кофту невзрачного салатного цвета с маленькими синими цветочками. Эта кофта показалась Софье Михайловне самой подходящей для Аси по фасону. Новая кофта была недешевой и недорогой, только уж очень тонкой и очень воздушной. Откровенно говоря, Асе хотелось выбрать кофту посolidнее и потолще, такую, какая была у её покойной мамы. Но таких кофт видимо уже не производили. Всю хорошую матерью заменила какая-то тонкая синтетическая дрянь.

Возвратившись с рынка домой, Ася стала примерять кофту перед зеркалом. И чем больше примеряла, чем больше к ней приглядывалась – тем больше эта кофта нравилась ей. Она была такая элегантная вся в этой кофте, что прямо как леди Гага. Как будто эту кофту сшили по её фигуре. Прямо как будто мерку брали с неё. Даже худые плечи Аси в этой кофте были почти незаметны. И коричневатая длинная Аси-

на шея казалась не так сильно морщинистой. И руки не такие худые, и ключицы невыпуклые.

Ася достала из железной шкатулки, которая когда-то была баночкой из-под чая, большую (с синими стеклянными цветочками) мамину брошь и прицепила её на кофту. Вид у кофты сразу стал лучше. Такая мелочь – брошь, а как всё преобразила. Так переменяла всё. Ася повернулась перед зеркалом так, потом этак. Хорошая какая ещё эта мамина брошь – прямо чудо! И блестит. И так повернешься – блестит, и этак – тоже блестит. Прямо так блестит, что настроение у Аси само собой поднялось.

И тут как-то неожиданно Ася учуяла, будто от новой кофты чем-то пахнет невкусно. Вроде как солидолом или машинным маслом. Поднесешь к носу – сильно пахнет, а убеешь – не очень. Но всё равно как-то нехорошо. Лучшее её сразу выстирать, чтобы потом не приноживаться. Тем более, неизвестно, сколько дней или месяцев она на рынке болталась. Кто её до Аси примерял. Может туберкулезник какой или человек с глистами.

В общем, вечером Ася нагрела горячей воды и выстирала новую кофту в тазу, а потом повесила на балкон для просушки. Ещё, когда вешала эту кофту, Ася счастливая была, и когда засыпала – тоже была счастливая. У неё теперь новая кофта салатного цвета на балконе висит. Сушится. Завтра Ася встанет и наденет её.

Утром Ася сварила овсяную кашу на половинном моло-

ке. Поела с аппетитом, с хорошим настроением, с кусочком черного хлеба. Когда она по утрам овсяную кашу ест – у неё всегда настроение хорошее. Тем более что у неё на балконе новая кофта висит, которую она вчера выстирала. На столе горячая чашечка свежего кофе, маслице на блюдечке, рядом французская булка. Всё хорошо. Вот сейчас она покушает и пойдет на балкон кофту снимать.

И когда Ася зашла на балкон она ничего плохого не заметила. Только в первый момент ей показалось, что новая кофта стала немного больше, чем была. Сама кофта не так чтобы сильно увеличилась, а рукава как будто удлинились. Или это ей так только показалось, потому что она ещё не проснулась до конца. Не привыкла к яркому свету. Вот сейчас оденет её, к зеркалу подойдет – и тогда всё увидит.

Ася натянула через голову кофту, вдела руки в рукава и... тут сразу почувствовала неладное. Левая ладонь не вышла на улицу как положено, а затерялась где-то в самом конце рукава. Правая – тоже. Ася посмотрела на себя в старое темное зеркало на стене и от удивления ахнула. Новая кофта за ночь вытянулась на два размера. Вчера ещё она была ей в пору, а сейчас стала велика. На туловище это было несильно заметно, а рукава сразу бросались в глаза.

Ну надо же, а! Новая кофта салатного цвета с синими цветочками, ни разу ненадеванная – уже велика. Вот беда-то! Куда теперь с ней, с этой кофтой? На базаре ведь чеков не дают... Куда? А денег-то сколько потрачено зря. Ах, сколько

денег потрачено! Ужас!

Надо Софье звонить. Это она во всем виновата. Посоветовала ей купить эту кофту дрянную. Может она без Софьи эту кофту салатную с синими цветочками не купила бы. Ходила бы ещё по базару да ходила, искала бы хороший товар да искала. Может и нашла бы подходящую. А эта старая дура пристала к ней: бери да бери, бери да бери. Вот она и взяла. А чего взяла – сама не знает.

Взволнованная Ася подошла к телефону, быстро набрала номер Софьи Михайловны.

– Ало! – откликнулась Софья.

– Ало. Ты спишь, что ли? – спросила Ася.

– Встала, – спокойно ответила Софья.

– А я не сплю, – продолжила Ася. – Научила меня купить салатную кофту. А я тебя послушала. Эту не бери, ту не бери. Эта старит, та молодит. Никого больше не буду слушать. Своим умом буду жить.

– Да что такое случилось-то?

– Ничего! Кофта твоя салатная вытянулась вся... Рукава до полу.

– А ты её, значит, выстирала уже?

– Выстирала. Потому что от неё машинным маслом пахло.

– А этикетку, конечно, не прочитала перед стиркой?

– Какую?

– На кофте. Там, где утюг нарисован.

– Ничего не читала я, – зло ответила Ася. – Выстирала и на веревку повесила просушиться.

– Горячей водой стирала?

– А какой же ещё?

– Ну, вот и причина.

– И чего сейчас делать мне?

– Ничего пока не делай. Я приеду, посмотрю, что сделать можно.

И Софья Михайловна положила трубку. Ася стащила с себя кофту и с раздражением бросила её на пол. Хотела её потоптать немного, подавить худыми пятками, но передумала. А вдруг Софья Михайловна придумает чего. Обменять её или деньги вернуть обратно. Она женщина грамотная, знает все ходы и выходы.

Когда Софья Михайловна увидела салатную кофту на Асе, она руками всплеснула:

– Это не кофта, а кафтан! Ни дать, ни взять.

– И чего теперь?

– Рукава надо подшить.

– Да куда их подошьешь – такие длинные, – удивилась Ася, пробуя подобрать рукава.

– Тогда – подрезать.

– У новой-то кофты? – обиделась Ася. – Только купила – уже резать да подшивать.

Короче говоря, через два часа кофта снова была как новая, только немного бесформенная, слегка скособоченная.

Асина шея в этой кофте казалась сейчас слишком длинной, и плечи снова выпирали, и на животе появилась какая-то длинная поперечная складка, которой раньше не было. Что не говори, а не к душе стала кофта эта салатная с синими цветочками. Так и хотелось выкинуть её в окошко, чтобы улетела куда-нибудь по ветру прямо в мусорный бак.

– Во всем виноваты ткани современные, синтетические, – начала рассуждать Софья Михайловна. – Ни утюгом их погладить, ни выстирать по-человечески.

– Не знаешь, с какой стороны подойти, – поддержала её Ася и стала собирать на стол.

Собирала, собирала стол к чаю, и тут ей так захотелось выпить с горя, так захотелось расслабиться, что она нашла в комоде бутылку сухого грузинского вина под названием «Цинандали». Разлила вино по фужерам, подхватила на вилку кусочек ветчины и опрокинула фужер в рот. Так прямо и выпила всё вино одним глотком, как страус какой. Сама не ожидала, что так получится. И вино оказалось не таким противным, как она предполагала. И в животе оно приятно обожгло.

После выпитого вина думы о кофте на время оставили Асю. Да что там кофта. Разве она новую кофту себе не купит? Разве денег у неё нет? Что у неё пенсия плохая, что ли? Или на смерть денег не припасено.

Да всё у неё есть. И на смерть, и на кофту хватит, и ещё за квартиру заплатить останется. Только салатного цвета коф-

ту она больше покупать не будет. Купит оранжевую или голубую. Пусть Софья Михайловна говорит потом, что хочет, пусть осуждает её, но она купит себе кофту яркую. Такую, о которой всю жизнь мечтала. И шляпу новую купит себе в самом дорогом магазине на Невском проспекте. И хорошие зимние сапоги. Всё купит, что нужно зрелой симпатичной женщине в её годы.

Омут

Ася всю зиму жила, жила, варила овсяную кашу на половинном молоке, смотрела от скуки в окно, звонила Софье Михайловне и-за разных пустяков, сидела перед телевизором, перешивала кофты, штопала носки, болела, переживала и-за всякой ерунды. И тут вдруг пришла в город весна. До этого почти бесконечно тянулась зима. Ася посмотрит через окно на улицу – снег кругом лежит. Зима. Через месяц снова выглянет – всё ещё зима. А тут вдруг как-то неожиданно весна случилась. Ася только, только к зиме привыкла, только приуныла к серым будням и холоду – и вот на тебе – весна уже. Ася даже растерялась. Надо же, как быстро это всё случается в зрелые годы.

Всё бы ничего, но вместе с новой весной в душе Аси что-то произошло. Что-то там ненужное проснулось. Раньше она встречала Павла Борисовича из соседнего подъезда на улице и ничего с ней не происходило, а сейчас почему-то стало

происходить.

Павел Борисович жил один. Вера Петровна у него давно уже умерла, царство ей небесное. Но раньше Ася Павла Борисовича как будто не замечала совсем, а этой весной вдруг стала замечать. Вот замечает и всё тут, хоть кол на голове теши, хоть куда от Павла Борисовича девайся.

Ася пройдет мимо и улыбнется Павлу Борисовичу. Снова пройдет и глаза опустит. Как девочка какая стала, честное слово. Даже перед соседями неудобно. А вдруг они уже заметили чего? А вдруг уже поняли.

Однажды Ася по рассеянности рассказала об этом несчастье своей старой подруге Софье Михайловне. Та немного подумала и сказала:

– Да ты влюбилась, подруга!

Асю как током ударило.

– Не может быть!

– Влюбилась, – с улыбкой повторила Софья.

Ася уже успела забыть, что на такие подвиги способна. И вообще, какая может быть любовь в семьдесят лет? Когда уши толком не слышат, глаза не показывают и руки по утрам какие-то ватные – как будто не свои. Спина ладом не выпрямляется, ноги в коленях болят и в голове шумит что-то, как морской прибой.

– Ты влюбилась, – повторила по телефону Софья. – Он нестарый ещё, твой избранник?

– Да как нестарый. Ему тоже за семьдесят.

– Значит, два сапога – пара, – парировала Софья.

– И чего теперь? – упавшим голосом переспросила Ася.

– Забудь и выбрось из головы.

– Не могу.

– Почему?

– Видимо у меня в голове ничего кроме сомнений нет.

Выбрасывать нечего.

– Ну, тогда расскажи ему обо всем.

– Как? Я, когда его вижу – у меня язык отнимается и в груди что-то трепещет, – призналась Ася.

– Тогда не говори пока ничего. Вот будем вместе гулять. Ты мне его покажешь, я с ним заговорю. Посмотрю, как он отреагирует.

– Неудобно, – промямлила Ася.

– Он не один живет? Или один?

– Кажется один.

– Квартира у него большая?

– А какое мне дело до его квартиры, – обиделась Ася. – У меня своя немаленькая. Какое мне дело? И вообще, зря я тебе это всё рассказала.

Ася обиделась и положила трубку. И с какой стати Софья ей советы дает? Кто она такая? Даже если Ася действительно полюбила, она сама должна решить, как ей действовать дальше. Что говорить, что делать. Да может быть она ничего и делать-то не собирается. Для чего ей? Как жила, так и будет жить. Вот только весна эта дурацкая пройдет и всё. Вес-

на пройдет и ей сразу легче станет.

Ася нерешительно подошла к зеркалу. Посмотрела на себя с боку в анфас. И тут ей показалось, что правый глаз у неё чуть-чуть мутнее левого. Или так только кажется, потому что в зеркале?

И брови опустились. Да опустились брови и вытерлись немного, выгорели. Это точно. Это не кажется, пожалуй. Начало у бровей есть, его ясно видно, а конец исчез куда-то. Ася приподняла указательным пальцем одну бровь, потом другую. Совсем безбровая стала... И с какой стати Павел Борисович должен на такую внимание обратить? Что он с ума сошел, что ли?

Хотя... он тоже не лучше. Седой весь, сгорбленный, с тросточкой ходит. Она хотя бы без тросточки передвигается пока и то уже хорошо. И не горбатая она. Ася что есть силы выгнула грудь. В спине что-то громко хрустнуло... Совсем не горбатая. Прямая как сабля.

Ася надела очки, присмотрелась к своему лицу получше и заметила под левым глазом темное пятно. Кажется, этого пятна у неё раньше не было. Или было? Почему-то она всё стала забывать. Не помнит даже про это пятно. Было оно или нет? На руках точно пятен не было, там они после шестидесяти появились. А на лице – непонятно, когда. Или это грязь? Может она задела рукой что-то пыльное, а потом – лицо. Такое ведь тоже бывает. Руки у неё длинные и лезут во все стороны. Ищут опору.

Ася пошла умылась. Снова вернулась к зеркалу. Нет, пятно не исчезло. Значит, с этим пятном сейчас придется жить. И на носу появились какие-то красноватые отметины. Как будто кончик носа кто-то покусал. Какое-то насекомое, что ли... Или внутренности у неё плохо работают. Хотя на желудок она никогда не жаловалась. И есть она всегда хочет с самого детства. С самого детства любит уху из свежей рыбы. И куриный бульон с зелёным луком тоже любит. И пельмени с мясом. Всё любит, что сейчас задешево не купишь.

И для чего это она к зеркалу подошла? Для чего себя разглядывает? Ах, да, она же влюбилась. Это она для Павла Борисовича к зеркалу подошла и разглядывает себя. Она хочет ему понравиться... Или не хочет? Тогда зачем Софье Михайловне позвонила? Вот и пойдёшь сейчас разберись, что с ней такое творится. Того и гляди начнет стихи писать, как Софья. Хотя Софья-то помоложе будет. У неё с этим делом попроще. У неё, наверное, и платья красивые есть, и новая шляпа, а у Аси ничего нового и модного нет. Одну новую кофту салатного цвета с синими цветочками купила себе и та вытянулась после стирки. Вот как не везет. Эх!

И Павел Борисович на неё внимания не обращает... И не обратит никогда. Сейчас ведь все старики берут себе в жены женщин молодых. Лет на двадцать моложе. Мода такая. Самы чуть дышат, едва передвигаются, шепеляво говорят, а жёну им надо иметь молодую и красивую. А для чего спрашивается? Чтобы ухаживала за ним? Чтобы обстирывала его,

обихаживала, кормила? Ася хотела додумать начатую мысль до конца, но тут ей позвонила Софья.

– Ну что, решила? – спросила она сходу.

– На что решиться должна я? – растерялась Ася.

– Познакомиться с этим, как его там? Павлом Борисовичем, что ли.

– Зачем? – ляпнула Ася.

– Как зачем? Чтобы зря не страдать.

– А я и не страдаю. Что мне... Я не страдаю вовсе.

Ася громко хмыкнула и попыталась устроить на место седую прядь, спадающую на глаза.

– Ты в окно посмотри.

– Для чего?

– Он на улице или нет? Этот твой... Если прогуливается где, я приеду и с ним поговорю.

Ася нехотя подошла к окну. Посмотрела во двор.

– На детской площадке сидит. С малышами беседует.

– С малышами! Значит, он человек хороший... Я сейчас приеду. Все проблемы решу, – и Софья Михайловна положила трубку.

После этого Асю охватило волнение. Ей даже захотелось куда-нибудь спрятаться, чтобы этого всего не знать и не видеть. Ну как это можно к незнакомому человеку на улице подойти и начать такой особенный разговор ни с того ни с сего. Он же может подумать о ней плохо. И одета она не так чтобы здорово, и выглядит немолодо. Возле глаз морщинки

заметно... Нет, лучше ей никуда не соваться, никуда не ходить. Лучше ей дома сидеть. Или взять вот сейчас и исчезнуть из дома. Пройти мимо Павла Борисовича и шмыгнуть за угол...

Хотя, шмыгнет-то шмыгнет, только что потом Софье Михайловне скажет, как свой поступок объяснит? Испугалась... Опять её заколотило. Нет, пожалуй, это тоже нехорошо. Это слабость, это малодушие. А как с малодушием бороться? Как?

И тут Ася вспомнила о флаконе с каплями Морозова, которые иногда пила перед сном. Побежала на кухню, открыла шкаф. Вот она её смелость, вот она её решительность стоит в уголке. Сейчас выпьет залпом всё, что осталось и совсем перестанет волноваться. Только по утрам она никогда раньше капель не пила.

Ася выплеснула в стакан остатки капель, развела водой, выпила и сразу почувствовала прилив смелости. Прямо так и зажгло в животе от этого прилива.

А что собственно такого страшного с ней может произойти? Ну, поговорят они с Павлом Борисовичем о том, о сем. Ну, посидят они немного на лавке. И что? Ничего тут страшного нет, ничего необычного. Мало ли стариков по лавками сидят, когда на улице тепло. Кто они такие, о чем говорят, это со стороны не определишь. Может, они о погоде беседуют, о детях говорит.

И в это время в коридоре звонок зазвенел. Ася от нежиз-

данности даже вздрогнула. Это Софью Михайловна примчалась. Она уже тут, уже припала. Надо же, как быстро. Когда нужно спешить – вечно Софья опаздывает, а тут прилетела как бешеная. Сейчас начнет над ней издеваться. Начнет делать губы коромыслом. Учить. Как будто Ася сама ничего не понимает. И зачем только она связалась с этой профессоршей.

Звонок прозвенел вторично. Ася шла к двери, а звонок всё звенел.

– Ты уже собралась? – спросила Софья вместо приветствия, как только перешагнула за порог.

– А чего собираться-то мне. Я всегда готова, – едва ворочая языком, ответила Ася.

– Ты чего это? Почему от тебя корвалолом так разит? – удивилась Софья.

– Откуда ты взяла?

– И язык у тебя заплетается.

– Не может быть, – стала отрицать Ася, выкатывая от усердия глаза. – Я ничего не пила.

– А вчера?

– И вчера не пила.

– Значит ты заболела, – отрезала Софья.

– Не пила я и не заболела, – снова стала отрицать Ася, придерживаясь рукой за дверной косяк. – Правду говорю.

– Это для смелости, да? – спросила Софья. – Для смелости?

– Нет, – моталка головой Ася.

– Это потому что ты стесняешься его, да?

– Нет.

– Потому что влюбилась.

– Не-а.

– Вот, дура! А я для неё всё бросила, сюда прискакала, сломя голову, а она всё испортила.

– Ничего я не портила.

– И что мне с тобой делать теперь?

– Ничего. Я вот сейчас оденусь. Пойду и сама ему всё расскажу. И про себя, и про тебя всё расскажу. Какая ты вредная. Всегда мне настроение испортишь.

Ася неуверенными шагами направилась к шифоньеру, чтобы выбрать себе подходящее платье и в это время сильно пошатнулась. Софья Михайловна метнулась вперед и умело подхватила её под руки.

– Упади ещё да сломай себе чего-нибудь.

– Не хватай меня, – огрызнулась Ася. – Я сама.

В конце концов, Софья Михайловна усадила Асю на диван, и сама села рядом.

– А может и правда – не ходить никуда, – начала она рассуждать вслух. – Для чего тебе эта обуза? Это переживание... Без любви оно как-то спокойнее. Как-то проще... Вот ты ещё ничего ему сказать не успела, ничем себя не проявила, а уже переживаешь. А переживать нам, старым людям, нельзя. Не дай Бог давление поднимется или ещё чего хуже.

– Я не старая ещё, – снова огрызнулась Ася.

– Нестарая, нестарая. Верю. Но мне что-то не хочется в этот омут с головой... Здоровье уже не то. Прибежала, а не хочу.

– А я хорошо себя чувствую. И омут этот мой. Ты тут ни при чем.

– Хорошо, хорошо. Твой омут. Ладно. Только всё равно надо сто раз подумать, чтобы сделать первый шаг.

– Я думала, я отмеряла, – проямлила Ася.

– Потом пути назад не будет...

– Почему? – встрепелась Ася, пытаясь сделать строгое лицо и умные глаза. – Почему это?

– Времени не останется, – с печальным вздохом проговорила Софья Михайловна. И Ася неожиданно почувствовала, что её подруга права. Эта вредная старуха в шляпе говорит то, что Ася подсознательно чувствовала, но не могла сформулировать... Она говорит правду. Ту правду, о которой не хочется думать, о которой не хочется вспоминать. Один неверный шаг и привычный ритм жизни может измениться. Всё надо будет строить заново. Привыкать, подстраиваться, прощать обиды, переступать через себя. В молодости-то это происходило как бы само собой, легко и безболезненно. А сейчас... Что будет сейчас? Весна пройдет, чувства улягутся, вернется в душу былая трезвость. И что тогда? Рядом с ней будет человек, которого она совсем не знает. Каким он был в молодости, каким был в зрелые годы?

Мужчины недолговечны. Скорее всего, у него уже куча болезней. Много денег уходит на лекарства. Наверное, дети есть, которые вовсе не обрадуются появлению новой спутницы у папы. Дети начнут её подозревать в том, чего нет. Обвинять в том, чего не было. Строить интриги. Потом кто-нибудь из них решится высказать ей всю правду в глаза. И эта правда будет с криком, с ненавистью, с угрозами. И тогда у него или у неё случится инфаркт или инсульт... И будет поздно говорить о весне, о внезапно нахлынувших чувствах. О том, что никакого подлого умысла не было. И коварного расчета не было тоже. Только чувства.

– Ты права, – после паузы проговорила Ася.

– Что? В чем? – не поняла Софья Михайловна.

– Во всем права... Не для меня этот омут.

– Вот. Одумалась, наконец, – обрадовалась Софья Михайловна. – А я, откровенно говоря, хотела сразу тебе об этом сказать. Но не решилась. Не захотела тебя расстраивать. Но, слава Богу, ты сама поняла. Слава Богу, одумалась.

Софья Михайловна обняла подругу за плечо, прижала её хрупкое тело к себе, потом провела рукой по тонкой спине и почувствовала, какая она родная, какая беззащитная вся. Без неё будет очень грустно. Если у Аси появится Павел Борисович, они уже никогда не будут так вот спокойно сидеть на диване и обсуждать свои женские проблемы. Ася доверчивая и глупая. Она если по-настоящему влюбится, жизнь отдаст за этого старика с детской площадки.

– Ну, не будешь знакомиться с ним? – повторила Софья Михайловна, чтобы успокоиться.

– Не буду.

– Ну и правильно.

Болезнь

От переживаний и недоразумений, связанных с любовью, Ася заболела. Она лежала на кровати и громко охала. Ей казалось, что она умирает. Последние несколько дней её преследовала слабость, а сегодня к слабости добавилось головокружение. Ася приняла таблетку аспирина, поела овсяной каши на половинном молоке и легла на кровать.

– И зачем только полюбила я? – рассуждала Ася вслух, лежа на кровати. – Лучше бы я жила как прежде. Бестолковая! И чего только не хватало мне? У меня же всё есть. И квартира у меня большая, и кухня удобная, и ванная комната со всеми удобствами... Зимой, правда, там немного холодновато бывает. Из вентиляции чужим обедом пахнет. Но это ничего. Даже у Софьи Михайловны ванная комната меньше. И кухня у неё маленькая. У неё же хрущевка обыкновенная, у Софьи-то, а у меня дом послевоенной постройки. И потолки у меня высокие.

Ася посмотрела на потолок.

– Надо бы перекрасть потолок-то, – решила она. – Пожелтел уже. Выцвел. Да кто же теперь потолок перекрашивать

будет? Сына со снохой не допросишься, а дочери нет. Если бы дочка была, она бы помогла в этом деле. Но бог не дал.

Ася перевела взгляд с потолка на стену. Стена была голая как одиночество.

– И жизнь я прожила какую-то пустую. Всё на бегу, всё в спешке. Оглянуться не успела, а тут уже старость подошла. Тут уже слабость подкралась. Тут уже болезни разные... Другие-то в мои годы ещё ни на что не жалуются, а у меня всё болит. Всё болит! Это, наверное, от тяжелой работы. Это из-за того, что я в молодости себя не жалела. Другие-то люди отдохали, да по курортам ездили, а я всё работала, всё в ходу была. Дура! Вот сейчас и болею. Вот сейчас и чахну. Так мне и надо!

Ася тяжело вздохнула и перевела взгляд со стены на окно. Увидела на белом косяке синеватую тень, похожую на распустившуюся лилию. Должно быть, время уже к обеду.

– На улице, небось, солнце светит. А я тут лежу одна. Софья, наверное, уже прогуляться вышла, и Павел Борисович – тоже. А я тут лежу. Ничего не болит вроде, а голова почему-то кружится. Вот и лежу... Довела я себя до ручки. Перенервничала. Спать стала плохо. Вот и результат... И за что мне такое наказание? И за что мне такие страдания? Я вроде бы и питаюсь хорошо. И ни в чем себе не отказываю. Витамины иногда покупаю, а слабость почему-то не проходит... У Софьи, наверное, никогда такой слабости не бывает, как у меня. Она всю жизнь ладом не рабатовала. Только болтала

языком с кафедры да принимала экзамены у студентов. Вот и сохранилась. Такие-то люди как Софья долго будут жить, а я раньше времени сдохну. Новая весна придет, деревья листвою покроются, а меня уже не будет. Не сохранила я сама себя, не сберегла.

Ася почувствовала, что глаза её наполняются влагой. Того и гляди заплачет от жалости к себе. До того ей стало тошно.

– Все люди здоровые, а я больная. Все молодые, а я старая. И за что мне такое наказание? В чем я провинилась? Вот лежи теперь и смотри в потолок. Чего увидишь? Чего поймешь? В другой день, бывало, Софья позвонит десь раз. Надо, не надо – всё рано позвонит. А сегодня с утра ни слуху, ни духу. Никому, видно, я не нужна. Ни сыну, ни снохе, ни Софье. Никому не нужна. Раньше, бывало, кто ни попросит – я всем помогать бегу. Устала, не устала – бегу. А мне никто помочь не хочет. Не заслужила я.

Ася вытерла рукавом халата случайную слезу. Глубоко вздохнула и закрыла глаза.

– Сколько людям добра не делай – никто это не оценит. Вот если бы я миллион сыну накопила или хотя бы на новую машину денег дала – он бы оценил. А так не оценит. Это точно. Что от больной старухи проку? Что с неё взять? Вот так и жизнь проходит. Спешим, спешим, работаем, работаем, а потом раз – и нет уже здоровья. И никому ты больше не нужен.

Ася снова тяжело вздохнула и открыла глаза.

– Только одному человеку была я нужна. Только один человек готов был меня на руках носить. Володька мой... Эх, Володька, Володька! Был бы ты жив, разве бы я вот так вот лежала да ныла. Ни за что бы не улеглась... Когда были вместе с тобой, у меня и болезней-то не было никаких. Поговорю с тобой, расскажу тебе обо всем – и на душе станет легче. А сейчас даже поговорить не с кем. Нет никого рядом... Ау! Не с кем поговорить. От этого, наверное, и болезни... И Софья что-то не звонит. Тоже, поди, прихворнула. Тоже ведь немолодая уже. Тоже одна живет... У Софьи одышка и ноги больные. Она всю жизнь на ногах. У меня хотя бы ноги-то не подводят ещё. У меня хотя бы ноги-то ходят. Другие-то старухи в мои годы все с ногами маются, а у меня ещё ничего. Терпят ноги, не подводят.

Эх, Володька, Володька! У тебя ноги тоже были больные после шестидесяти. Когда на пенсию вышел. Курил много. Да и выпивал. Тогда все выпивали почему-то. Время было такое, что ли. Как праздник придет – так выпивают. Как выходной – так выпивают снова. Пьяных было много на улице в пятницу. И по субботам – тоже... Сейчас пить стали меньше. Меньше стали пить. Видимо по-другому отдыхать научились, что ли. Без вина. А Володька мой по другому-то не мог. Ему вино надо было. Кровь из носу, а в субботу бутылку отдай. Потом всё воскресенье пиво дулит. Вот и допил пиво-то. Отрастил себе живот. Давленье стало мучить. Одно к одному, одно к одному...

Ася снова смахнула слезу. Потом села в кровати и потрогала кончик носа. В голове родилась какая-то новая мысль, но Ася не пустила её на волю. Надоело думать. И голова, кажется, перестала кружиться. Теперь надо умыться, чаю попить и собраться на улицу, пока не жарко.

И в это время в коридоре зазвонил телефон. Ася неуверенно поспешила к телефону. Она ещё трубку не взяла, но уже решила, что это, скорее всего, Софья. Кто же ещё ей позвонит ни с того ни с сего.

– Ало!

– Да.

– Ну как ты себя чувствуешь? – странным голосом спросила Софья, как будто знала про Асю какую-то скверную тайну.

– Плохо, – искренне ответила Ася.

– Вот! Я тебя предупреждала.

– О чем? – не поняла Ася.

– Чтобы ты не пила больше. Ты же два дня выпивала, чтобы успокоиться. Забыла, что ли?

– Да я...

– А я тебе говорила. В нашем возрасте даже стакан красного – это уже много.

– Но я вчера...

– Ты мне вчера звонила, – перебила Асю подруга. – Я сразу поняла, что ты опять пьяная. Несла такую чушь, что мне сейчас даже не припомнить. Не пересказать. К Павлу Борисовичу меня приревновала.

– Я?

– Ты, ты. Забыла, что ли? Если забыла, значит, тебе совсем выпивать нельзя. Ты и так-то ничего толком не помнишь, а пьяная и подавно.

– Да я...

– Небось, сегодня голова у тебя кружится.

– Да было немного... с утра.

– У тебя и так давление низкое, а теперь, наверное, совсем упало.

– Не знаю. Может и упало. Я никогда не меряю.

– Хорошо бы тебе глюкозы ампулу в чай. Аскорбинки да аспирина. Только у тебя, наверное, ничего этого нет. Ты ведь у нас лекарства не употребляешь. Желудок бережешь.

– Аспирин только.

– Привезти тебе для сердца чего-нибудь?

– Не нужно, – уверенно ответила Ася.

– Так оклемаешься?

– Да я уже...

– Ну, смотри, – проговорила Софья и положила трубку.

Ася в это время стояла возле телефона с трубкой в руке и растерянным видом. Только сейчас она осознала откуда у неё эта странная болезнь.

Страшный сон Аси

Однажды Асе приснился страшный сон. Будто она стару-

ха и ей уже перевалило за семьдесят. Ну конечно может когда-то ей правда исполнится столько. И буде она не изящная белокурая дама в шелках как сейчас, а женщина преклонного возраста в старенькой шляпе. Но это ещё когда будет. До той поры (как мама говорила) надо ещё дожить.

Ей приснилось, что в подружках у неё ходит Софья Михайловна. Та самая профессорша, которой она зачет по философии два раза пересдавала. И будто подружились они на похоронах мужа этой самой Софьи Михайловны. Хотя Ася ужас как на кладбище заходить боится. Там темные кресты, голые могилы и вороны с галками. Темные на темных крестах. Кар! Кар!

Вот чего приснилось сдуру.

Как будто они с Софьей Михайловной всюду ходят вместе. Будто они всегда в шляпах и в белых перчатках с длинными рукавами. Будто они гуляют в парке и разговаривают о высоком искусстве. Будто однажды Софья затащила её в ресторан, напоила водкой, а потом Ася в этом ресторане стала вытворять такое, что сейчас даже во сне вспоминать стыдно. До того это всё нехорошо получилось.

А потом во сне кто-то Асе позвонил. Она вздрогнул. Она всегда вздрагивает, когда телефон неожиданно звонит. Даже не во сне, когда. Так прямо вздрагивает, что одна нога у неё в сторону уходит сама по себе.

Ася встала с кровати и подошла к телефону, пытаясь выпрямиться. Потому что спина у неё занемела. Взяла трубку

и к уху поднесла, но низко. Надо было выше поднести. Так плохо слышно. Но это же во сне, опомнилась Ася. Тут уже ничего не исправишь, потому что сон – это как кино. Как сняли, так и показывает в голове.

– Чем занимаешься? – во сне спросила Асю подружка профессорша.

– Я только встала ещё, – ответила сонная Ася.

– А я тебя через часик на улице жду... Погода хорошая сегодня. Выходи.

– Ладно, – во сне ответила Ася, а потом вдруг подумала: «Вот ведь, во сне, а как в жизни». Или в жизни как во сне. Да, какая разница. Лишь бы снилось хорошее. Не как сейчас.

Ася посмотрела на свои морщинистые руки. Удивилась. Неужели у неё в старости, правда, будут такие худые руки. Ужас!

Ася во сне поела овсяной каши на половинном молоке. Каша оказалась пустая, без кураги и изюма. Какая-то невкусная. Видимо молоко было не первой свежести. Или во сне всегда так плохо кормят. Кто его знает. И хлеб черствый. Видимо в прошлый раз, который был в пятницу, она за хлебом сходить не успела. Хотя рано проснулась. Она вообще в последнее время что-то рано просыпаться стала. Как настоящая старуха. Проснется и лежит на кровати, думает. То ей кажется, что сердце у неё стучит слишком часто, то в правом боку покалывает. Там, где печень. То в голове шумит. То покажется, что она заболела. Состарилась и заболела совсем.

То есть неизлечимо, так что даже думать страшно об этом.

Слава богу, она не старая ещё, а то ведь рехнуться можно. Столько переживаний сразу.

Ася выпила чаю с конфетой из мармелада и стала во сне собираться на улицу. Посмотрела в окно. Странно. Во дворе даже во сне красиво, хотя уже осень. Листья на деревьях желтые, на асфальте мелкие лужицы блестят, небо голубое отражается в них. По небу плывут белые облака. Даже не подумаешь, что это всё во сне. Так это всё хорошо нарисовано. Или снято.

Ася надела на себя платье кисейное, белые перчатки с длинным рукавами, сверху надела кофточку цвета баклажан, и пошла к двери. И тут, у двери вспомнила, что она забыла шляпу надеть. Надо же какая дура она. У неё же голова пустая. Нет ничего на голове кроме реденьких волос. А у неё на самой макушке во сне уже небольшая проплешинка появилась. Ветер дунет, кудельку поднимет, а там блестит что-то. Это даже во сне представить стыдно. До чего нехорошо.

Ася вернулась, одела шляпу, завязала бантиком темную ленту под подбородком и вышла на улицу. Софья Михайловна была уже там.

Ася взглянула на неё и удивилась. Какая она старая стала. Прямо чужая. И откуда только такая взялась? Та Софья Михайловна, которую она раньше знала, не во сне, была молодая симпатичная женщина. За ней даже один кандидат наук ухаживал целый год. Цветы ей дарил. А кто на эту старуху

посмотрит, если в своем уме? И зачем только ей такой нехороший сон приснился?

– Здравствуйте, Софья Михайловна.

– Привет, – отозвалась Софья.

И сразу Ася во сне подумала, а зачем это она Софью по имени отчеству называет? Для чего? И тут же нашла ответ. А как ещё обращаться к этой старой старухе в шляпе, которая перед ней. Если эта старуха много выше и много толще Аси. Да ещё какая-то незнакомая вся. Чужая снаружи.

– Ну и куда сегодня направимся? – деловито спросила профессорша.

Ася неопределённо пожала плечами.

– А я предлагаю в Русский музей махнуть.

Ася снова пожала плечами. И зачем это ей идти в Русский музей во сне? Что она там увидит? Хотя в Русском музее она и правда уже давно не была. Может во сне ей что-то новое покажут.

– Я Врубеля очень уважаю, – между тем продолжила Софья Михайловна. – У него картины своеобразные, как у французских импрессионистов.

– У французских импрессионистов, – повторила за подругой Ася. И удивилась тому, что даже во сне Софья Михайловна продолжает любить французскую живопись. Надо же, какая всеобъемлющая у неё натура.

До Русского музея две старухи в шляпах решили добратсья на метро. Вернее, на метро они добрались только до «Го-

стиного двора». Потом по зебре перешли Невский проспект налево, свернули на Садовую, и пошли по знакомому маршруту пешком, как в детстве ходили когда-то. Только идти во сне Асе было тяжело. Во сне она была старая, и поэтому долго ходить ей было трудно, а Софье Михайловне и подавно. Потому что она не только старая была, но ещё и толстая. И с сердцем у неё не всё в порядке было...

И тут во сне Ася захотела есть. Она хотя и хрупкая, но есть почему-то постоянно хочет. Она молчала, молчала, а потом сказала Софье Михайловне, что голодной в музей не пойдёт. Потому что из этого музея ещё неизвестно когда выберешься. А она уже сейчас есть хочет.

Софья Михайловна возмутилась:

– И что у тебя за натура такая? Разве нельзя один раз потерпеть?

– А зачем, – удивилась Ася. – Я не на твои деньги есть хочу, а на свои. Кто мне запретит?

– Но тут по пути только ресторан японской кухни «Две палочки», – снова с раздражением проговорила Софья. – Неужели в него пойдём?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.